

УДК 821.161

В.Г. Матюшина**МОТИВ ВСТРЕЧНОГО ПУТИ В «ОПЫТАХ СВЯЩЕННОЙ ПОЭЗИИ» Ф.Н. ГЛИНКИ**

Объектом исследования в статье являются «Опыты Священной Поэзии» Ф.Н. Глинки, предметом истолкования – мотивы встречного пути героя-путника и Спасителя, восхождения и нисхождения. Рассматривается соотношение художественного и библейского текстов, ветхозаветного и новозаветного пространств. Показано, как концепция встречного пути, описанная Ф.Н. Глинкой, соотносится с текстами Священного Писания и его богословскими толкованиями. В соответствии с этим соотношением трактуются основные образы и мотивы «Опытов», ассоциативный план книги и эмоциональный тон.

Ключевые слова: мотив духовного пути, образ путника, ветхозаветное и новозаветное пространство.

Мотив пути-дороги в русской литературе обширен и многогранен. Он обнаруживается уже в древнерусской литературе, что во многом было обусловлено самими историческими обстоятельствами, определявшими судьбу русской земли. Древние князья отправлялись в путешествие по разным поводам – осваивать новые территории, защищать свои земли, устанавливать дипломатические и торговые связи, поклоняться святыням. Для описания паломничеств по святым местам в древнерусской литературе существовал особый жанр – *хождения*. Авторы хождений при описании пути акцентировали внимание не столько на географическое перемещение паломника, сколько на его духовное возрастание в процессе путешествия. Воспринимающее сознание древнерусского паломника редуцировало абсолютно все, что имело отношение к миру внешнему, материальному [7. С. 61]. На пути к цели – сакральному пространству – *нерассеянное* внимание путешественника было сосредоточено исключительно на нем.

В этом смысле книга Ф.Н. Глинки «Опыты Священной Поэзии» имеет определенное типологическое родство с жанром хождений.

Внутреннее становление личности является доминантным фактором в объяснении мотива пути в книге Ф.Н. Глинки «Опыты Священной Поэзии». В художественном пространстве книги магистральным является мотив духовного пути человека к Богу, а основным образом – путник, не отклоняющийся от прямого пути. Одно из первых стихотворных переложений книги Глинки («Блаженство праведного») начинается показательной смысловой строкой: «О сколь блажен правдивый муж, который грешным в след не ходит». Акцент с глубины богословия образа праведного мужа Ф.Н. Глинка в своем переложении переносит на силу его поэтического выражения: за счет удвоения эпитета («блаженъ мужъ» и «правдивый») для усиления сюжетной динамики пути-выбора. Цель пути героя – достижение царства Божия («*небесного чертога*»).

Вся книга Глинки изобилует библейскими метафорами, характерными как раз для перелогательной поэзии. В книге Ф.Глинки нашли свое отражение основные мотивы Псалтири, являющейся сборником религиозной лирической поэзии – крупнейшим из существовавших в древности памятников такого рода. Псалмы обращены непосредственно к Богу и в поэтической форме выражают просьбу, моление и хвалу. В них передается весь спектр душевных движений верующего: его страхи, сомнения, боль, торжество, радость, надежда.

Художественное пространство книги состоит из двух смысловых частей. В первой части сосредоточены стихотворные переложения, раскрывающие путь ветхозаветного человека, во второй – человека новозаветного времени. Это означает, что свой путь герой книги начинает из времени Ветхого завета с присущей ему системой ценностей, где в качестве основополагающей выступает *категория Закона*, вне которой теряется смысл существования человека. Соблюдая Законы Бога, герой идет «смелою стопою по скользкой жизни» в «обитель священную» [6. С. 13]. Нарушая законы, человек теряет связь с Богом, в силу чего оказывается подверженным страху, унынию, отчаянию – всем стихиям мира. В итоге, земное пребывание становится для него «страной страданий», «жестоким пленом», «земной неволей» [6. С. 19]. Но из глубины тоски и отчаяния в путнике пробуждается чувство покаяния и просьба о жизни:

Не поражай меня, о Гневный!
Не обличай моих грехов!
Уж вяну я, как зной полдневный
Забывтый знак в морях песков [6. С. 7].

Для создания образа «малости», гибели человека вне Бога автор использует ветхозаветные символы: «тимпан разбитый», «арфа звонкая безъ струнь», «главу посыпаль прахомъ», так в Ветхом Завете выражали безмерную скорбь и печаль по примеру многострадального Иова. «Моря песков» – тоже один из характерных символов ветхозаветного пространства, выражающий отсутствие духовной опоры, зыбкость жизни без Бога. «Морям песков» противостоит «молитвенное пространство», в котором путник находит успокоение и прикасается к Божественной любви: «Я ведаю Твое селенье: туда души моей полет влечет святое умиление...» [6. С. 112].

Молитвенные устремления путника являются показателем его «духовной жажды». В книге Глинки мы видим противопоставление двух групп мотивов. С одной стороны, *мотивы страха, тоски, бури* призваны передать ощущения и чувства человека вне Бога: «Но въ бурныхъ мятежахъ земныхъ / Не зрель следовъ Его святыхъ!». С другой стороны, чувства человека, восстановившего связь с Богом передаются через *мотивы покоя, тишины, молитвы*: «И я вдали, какъ въ дивномъ сне, / Услышаль Бога – въ тишине!» [6. С. 15]. Через слух рождается и ощущение Бога в пространстве беззвучия, мира и покоя.

Ступая вместе с путником по ветхозаветному пространству, читатель становится свидетелем жизни людей Ветхого завета, их обычаев и законов. Ветхозаветный тип в поэтических текстах Ф.Н. Глинки воплощается в мотивах страха, тоски, уныния, в не-сыновних отношениях к Творцу. «Бог постигается здесь прежде всего в зримых проявлениях Его творческой мощи и благой власти, минуя посредничество Христа-Логоса, Церкви. Этим объясняется тяготение к «крупным рельефам» (образ бури, океана, безбрежного поля, пустыни), «акцентированным границам»» [10. С. 158].

В свои стихотворения Ф.Глинка вводит образ царя Давида, исторического ветхозаветного героя, пророка, поэта-гимнографа, автора бессмертной Псалтыри, всей своей жизнью явившего идеал праведника. В одних стихотворениях царь предстает как пророк, обличающий неправду и беззаконие людей, забывших Бога:

Склоняйтесь, гордые до праха!
На суд глядеть дерзнете ль вы?
Падите ниць! иль от размаха
Как классы полетять главы!

Поэтические тексты Ф. Глинки являются переложением псалмов, которым присущ язык ассоциаций, выражающийся посредством постоянного употребления образных оборотов, символов, иносказаний, посредством самой многозначности образов. Характер ассоциаций свидетельствует о земледельческой и скотоводческой направленности «экономики» в древнем Израиле, о военной активности народа, ведущего то завоевательные войны для овладения землей обетованной, то оборонительные, защищаясь от опустошительных набегов соседей. Упомянутый «язык ассоциаций» в поэтической речи позволял псалмопевцу выразить в одной фразе несколько смыслов одновременно. В данных строках пророк предупреждает о том, что за попрание Божиих Законов Господь может послать опустошительную войну и тогда «главы гордых» могут «полететь», как колосья.

В других стихотворениях царь Давид предстает праведником, свято чтущим Закон Бога, послушным Божественной воле, что дает ему силы противостоять бедам, соблазнам земной жизни, ступать «уверенною стопою» по дороге жизни. Царь Давид сравнивается также с «ладьей», плывущей «среди бурных океанов» по житейскому морю. Некоторые стихотворные переложения раскрывают его талант поэта-гимнографа:

Мое холодное перо,
Не может начертать достойно,
Моих благоговейных чувств.
Восторг волнует дух мой пылкий! [6. С. 50].

В образе царя-Давида Ф.Глинка показывает несколько состояний человека: и поэта-гимнографа, и пророка, обличающего неправду, и кающегося грешника, и созерцателя величия Бо-

жия, поэтому за всеми эпизодами жизни Давида проглядывает жизнь человеческой души, страдающей от неправды, беззакония земной жизни и пролагающей свой путь к миру покоя и святости, к небесному пространству:

Какъ я пленень спокойнымъ небомъ!
Тамъ святъ, Создатель, Твой законъ!
Туда нашъ гласъ, мольбы и стонъ! [б. С. 18].

В стихотворных переложениях Ф.Н. Глинка акцентирует внимание на главном критерии, по которому Господь принимает в свой чертог людей, – на сокрушенном сердце. Именно такого состояния сердца Господь ждет от человека:

Но знай: не пышными дарами
Ты милость Вышняго купишь;
<...>Ты сталъ въ грехахъ передо мною,
И я грехи твои омыль [б. С. 9].

Беря за основу псалмы, Глинка пытается раскрыть смысл существования человека в ветхозаветные времена. Об универсальном содержании псалмов читаем у св. Афанасия Великого: «книга псалмов ясно и подробно изображает всю жизнь человеческую, все состояния духа, все движения ума, и нет ничего у человека, чего бы она не содержала в себе...» [1: 156].

Однако в подзаконном состоянии человек не может ощутить полной свободы, законом спастись нельзя, праведность от закона закрывает для человека вход в Царствие Божие. Пространство спасения тающему «как воск» человеку открывает лишь безусловная Любовь Бога:

Творецъ! Твоей любви прошу:
Въ груди, отъ скорби омертвелой,
Живое сердце я ношу...
Въ моей тоске, какъ воскъ я таю,
Но все надеюсь на Тебя.

В поэтических текстах Глинка, имеющих приметы новозаветного типа религиозности, меняется тональность стихотворений – появляются мотивы любви, света, радости, покоя и тишины. Иным становится и само художественное пространство книги. Акцент в ней смещается в сторону «небесного селения» и пространства души, с ее тревогами, сомнениями, томлением о чертоге Божиим. Основной образ в стихотворениях новозаветной религиозности – душа, ощущающая непосредственную связь со Христом. По словам Котельникова, с приходом в литературу новозаветной ориентации «в литературу входит «человек внутренний», его интимно-духовное (в том числе религиозно-мистическое) содержание» [10: 159]. Вся новозаветная образность в поэтических текстах Ф.Н. Глинка доказывает торжество Любви над бременем Закона. В стихотворных переложениях «Земная грусть. Къ другу», «Минута въ лучшемъ мире», «Минута счастья», «Къ душе», «Полетъ души» ключевой образ – *душа*, попадающая в райские обители, где все говорит о присутствии Божиим. Там и ангелы, воспевают хвалебную песнь Творцу, и заря, лазури которой не найдешь на земле, там нет страданья. Незаметно, но неотвратимо возникает *пространство Невыразимого*, показателем которого являются благодать, сияние славы, заря и свет, полнота Богообщения:

Тамъ въ воздухе – любви дыханье!
Тамъ вместо солнца – Благодать
И Бога Вечного сиянье...
У нихъ и слова нетъ: страдать!
Ихъ пища – изъ зари и света
Живить ихъ, какъ восторгъ поэта;
Имъ льется питье въ сердца
Изъ Ока светлаго Отца [б. С. 144].

Жуковский, первым в русской литературе обратившийся к феномену «Невыразимого», в своих стихотворениях раскрывает его через образ молчания души, обращенной ввысь («горе душа летит»), через образ молчания, мыслимого как постижение сущности красоты – божественного присутствия в

мире. Ф.Н. Глинка феномен «Невыразимого» раскрывает в поэтических образах *зари* и *света*, являющихся пищей и «питием» души, изливающихся из «Ока светлаго Отца» в сердце человека, где происходят важнейшие события его духовного возрождения: одухотворение души, соприкосновение с высшим миром, Богообщение.

Стихотворное переложение «Минута счастья» начинается словами: «В груди страстями раскаленной, / Я сердце грустное носилъ», где *образ сердца* вначале показан израненным от страстей, а затем исцеленным («кто-то» напоил его «отрадой»). Душа, исцеленная Богом, попадает в райские обители, где она тает «в радости сердечной» и «пьет млеко жизни вечной». Но из райской обители душе приходится возвращаться обратно на землю, где ее вновь ожидают скорбь, печаль и тоска о горнем мире: «Что въ мире мне, где все на мигъ? Что въ мире, / Где всюду зло и смерть?» [6:107], «И я опять въ пределахъ жизни тесной» [6:110]. Такое стремительное пространственное перемещение, конечно же, имеет свой смысл: душа будет помнить об утраченном рае – «небесном чертоге» и желать возвращения.

Отметим еще одно важное отличие группы стихотворений новозаветной образности. Поэтические тексты этой группы не имеют эпиграфов и только два стихотворения предваряются строчками из трудов святых ученых-богословов IV в. – блаж. Августина и св. Иоанна Златоуста. Так, стихотворение «Благодатный Гость» имеет эпиграфом строки из Иоанна Златоуста, где говорится о невозможности принятия Христа под кров убогого шалаша в силу недостойности жилища. Под убогим шалашом подразумевается душа человека. Собственно, сюжетом этого стихотворения является встреча человека-пастуха, ночующего в убогом шалаше, с Христом. Под Путником же, ищущим ночного пристанища и просящимся на ночлег к пастуху, подразумевается Христос. Ответ пастуха Путнику имеет прямые параллели с молитвой св. Иоанна Златоуста, читающейся перед принятием Святых Христовых Тайн (молитва святого Иоанна Златоуста, 2-я):

Я рад душой, но, путник добрый,
Шалаш такъ темень мой, такъ малъ:
Смотри кругомъ блистают селы,
Там все богатые живут;
А я и бедень и несчастливъ!
Я рано жизнью утружден:
Мой хлеб – печаль, питье мне – слезы!

Знаю, что я недостойнъ и даже не могу
принять тебя подъ кровъ моего убогого шалаша,
ибо онъ слишкомъ темень и пусть и въ развалинахъ.
И ты даже не найдешь въ ней места,
где приклонить драгоценную главу твою.

Ответ Путника раскрывает Его божественную сущность:

Тем лучше! Я люблю целить
И тяжкий недуг и печали;
Люблю я грустных утешать,
И утружденного покоить
И слезы в радость пременять...
<...> Я сам умею угощать
Моих друзей и сладким хлебом
И дорогим моим вином.
Оно не здешнее... Отведай!
На! Пей и ешь, младый пастух!

Эти строки ясно свидетельствуют о том, что под видом Путника в дом к пастуху приходит Спаситель. Ф.Н. Глинка воспроизводит в этом стихотворении *сюжет Тайной Вечери*: «...примите, ядите: сие есть Тело Мое <...> сия бо есть Кровь Моя, Нового Завета, иже за многих изливаема во оставление грехов» (Евангелие от Матфея 26, 20-30), [13: 95], что является прообразом Жертвоприношения и Спасения. Пастух, принимая хлеб и вино из рук путника, не может сдержать переполняющей его радости:

Я принялъ и вкусилъ – о радость!
Где край родной сего вина?
Какой огонь, какая сладость!
Душа чудесного полна!
О дивный! дивный! с тайнымъ хлебомъ,
Ты въ сердце положилъ мне небо!

Вино вызывает у пастуха чувства радости, огня, сладости, оно дает чудесную полноту душе; тайный хлеб является восполнением неба – Святыми Христовыми Тайнами. По учению православной церкви в таинстве Причастия человеческая природа соединяется с Божественной, и все существо человека вступает с Богом в союз высший, теснейший. Поэтому не случайно в этом стихотворении Глинки появляются строки, отсылающие к заповедям блаженств из Евангелия от Луки.

Блажени алчущии и жаждущие правды,
яко тии насытятся.

Блажени чистии сердцем, яко тии Бога
узрятъ.

Блажень, кто вечеряль со мною:

Онъ гладь душевный утолилъ.

Блажень, кто могъ меня постигнуть

И сердцемъ жарко полюбить

Включение в поэтический текст Глинки евангельской перспективы призвано обратить внимание читателя на новые отношения между человеком и Богом, возникающие после рождения Христа.

Последнее стихотворение «Блудный сын» тоже восходит к евангельскому тексту – притче о блудном сыне, возвращающемся в Отчий Дом:

И на пути въ Твой светлый домъ,
Покрытый прахомъ и стыдомъ,
Передъ тобою поклонюся,
Благий Господь мой и Отець?

Чтобы остаться в Доме Отца необходимо таинство Крещения, при котором смываются все содеянные ранее грехи («омоеть горняя роса»), а также первородный адамов грех («прирожденный грех сердечный»). В результате Крещения человек становится причастником жизни вечной и получает возможность обитать в доме Отца Небесного:

Ахъ, повели, Отець мой вечный!
Да прирожденный грехъ сердечный
Омоеть горняя роса!
Да совлекуть съ меня оковы,
Что нажилъ я въ житейской мгле,
Да поживу съ Тобой я *новый*
И позабуду о земле!

(курсив Ф. Глинки)

Герой Глинки приходит к Богу через горнило испытаний, познав непрочность земных чувств и связей. Обретение героем молитвы становится залогом его будущей встречи с Господом, так как молитва способствует «сокращению» расстояния между Богом и человеком, в результате чего возникает «встречное движение»: не только человек в своем целеполагании стремится к Богу, но и Сам Господь умалает себя и нисходит [З. С. 193] с небес Путником, спешащим в «убогое жилище» блудного сына-пастуха. Ситуация Встречи с Христом-Путником меняет героя-путника Глинки: все его сомнения исчезают, и он получает твердое представление о своем жизненном предназначении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасий, архиепископ Александрийский. Творения иже во святых отца нашего Афанасия, архиепископа Александрийского. Творения: в 4 т. Т. 1 / Святитель Афанасий Великий, архиепископ Александрийский. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. С. 186
2. Большухина Н.П. Художественное своеобразие русской лирики 30-50-х годов XVIII века (Проблематика. Жанр. Поэтика): дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
3. Видмарович Н.П. «Художество нисхождениа» // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 186-201.
4. Вышеславцев Б.П. Значение сердца в религии // Путь: Орган русской религиозной мысли. Париж: Издание религиозно-философской академии. 1925. № 1. С. 79-98.
5. Гинзбург Л.Я. О лирике. 2-е изд. Л., 1974. 368 с.
6. Глинка Ф.Н. Опыты Священной Поэзии. СПб.: Синодальная типография, 1826. 180 с.
7. Гуминский В.М. Паломническая традиция в русской литературе путешествий // Теория Традиции: христианство и русская словесность. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 59-97.

8. Житие праведного царя Давида // Жития Святых Святителя Дмитрия Ростовского. Месяц Декабрь. Козельск: Свято-Введенский монастырь Оптиной Пустыни, 1992. С. 725-746.
9. Зверев В.П. Православные традиции в творчестве Ф.Н. Глинки // Духовные начала русского искусства и образования: материалы Всерос. науч. конф. Великий Новгород, 2002. С. 118-127.
10. Котельников В.А. Христианский текст русской литературы. // Вестник РГНФ. 2000. № 3. С. 154-162.
11. Кошемчук Т.А. Русская поэзия в контексте православной культуры // отв. ред В.А. Котельников. СПб.: Наука, 2006. 639 с.
12. Молитвослов. М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 1999. С. 101.
13. Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1911. С. 95.

Поступила в редакцию 20.04.15

V.G. Matyushina

MOTIVE OF THE COUNTER-WAY IN THE "EXPERIENCE OF SACRED POETRY" BY F.N. GLINKA

The subject of interpretation in the article is the Motif oncoming traffic hero-traveler and divine Saviour, ascension and descent. Research correlation imaginative and biblical text old Testament and Testament area.

Keywords: Motif oncoming traffic, image lone traveler, old Testament and Testament area.

Матюшина Валентина Геннадьевна, соискатель
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: vmg81@yandex.ru

Matyushina V.G., applicant
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/2
E-mail: vmg81@yandex.ru